

Майя Плисецкая —
Газете

Окончание. Начало на странице 01

Вы Анастасию Волочкову имеете в виду?

Конечно. Я не считаю критику в ее адрес справедливой. Она — не худиан Кармен. Во всяком случае, у нее есть преимущество перед очень многими. Например, она красивая, высокая. В конце концов, у нее прекрасная ленинградская школа танца. Она знает все в профессии. Ведь есть многие дилетанты, и некрасивые дилетанты, которые танцуют. Я же предпочитаю красоту. Насти пока еще молодая. И это тоже ее преимущество.

Как вы относитесь к новым версиям русских классических балетов?

Сейчас отчаянно переделывают не только балеты, но и оперы, потому что не способны сочинить что-либо свое. Сначала их переделывали в том же духе. Потом занялись совершенным осовремениванием. Вот мы с Родионом Константиновичем, например, недавно были в Мюнхене на «Пиковой даме». Нам было очень любопытно, потому что Германн ходил в форме милиционера и с портфелем. С ним он и Лизу обнимал, а потом вышла грацина и прошлась как по подиуму. Развеялась перед публикой в фас и расстегнула свое платье, под которым оказались совершенные гольи. Видели мы и «Бориса Годунова», который ходил по сцене в современном партильном костюме. Сейчас такая повальная страшная мода. Отчего такое происходит на сцене? Ответ чаще всего один: потому что модно.

Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

Как вы относитесь к идеи перезахоронения праха Анны Павловой и ее мужа Виктора Дандре в Санкт-Петербурге?

Наша страна всегда славилась тем, что ей не ладилось на волю покойного. Нельзя делать против воли, потому что это — против религии, против Бога. Шаялин ведь не хотел, чтобы его хоронили в России. Недаром он сказал: «Ни живого, ни мертвого меня там не будет!» А наплевали на него. Сейчас плюют на Павлову. Это советская манера делать так, как мы хотим. За многие годы мы привыкли к тому, что чиновники всегда делали то, что хотели. Например, на неправду говорили, что это — правда. И все это продолжается сейчас. Поэтому я против переноса праха.

Мы привыкли к тому, что советский балет, а потом и русский, всегда был «переди планеты всей».

Сегодня российская танцевальная школа востребована в мире как прежде? Сейчас ситуация изменилась. Бывали времена, когда, узнавая, что танцор русский, ему сразу же раскрывали обьятия: «Иди

к нам скорее!» Нынче об артисте судят не только по национальности, но смотрят и на то, что ты можешь. Потому что свои тоже научились. Весь мир здорово наладил.

Недавно мне довелось быть председателем жюри балетного конкурса в Японии. В нем участвовало более ста пятидесяти человек. В результате первое место заняли китайцы. Второе место — танцовцы парижской Опера. А третье — тоже китайцы. А параллельно конкурс в классике шел еще и конкурс танца модерн, в котором «золото» взяли корейцы. Нынче нет такого положения, что если ты русский, то лучше всех в мире танец.

Профессия балерины требует жертв. Отказ от радостей жизни — необходимое условие вашей работы?

Вы знаете, если балерина захочет родить ребенка, она все равно его родит. А не захочет, то и не родит. Но есть много балерин, главным образом ведущих, которые боятся потерять профессию. Тогда надо выбирать. Однажды Белла Ахмадулина дала совет

молодому поэту, который пришел к ней и сказал: «У меня талант. Только я не знаю: мне писать или не писать?»

И что же ответила Белла Ахматова? Она сказала: «Если можете не писать — не пишите». Если балерина может не танцевать, пусть не танцует.

Поклонники помнят вашу блестательную работу в фильме «Анна Каренина» Александра Зархи. Телезрители же — в «Фантазии» Анатолия Эфроса. Были ли в вашей жизни другие кинематографические предложения?

Кроме двух ролей, вами названных, я еще сыграла малосенсационную роль вместе со Смоктуновским в картине «Чайковский» Таланина. Если были бы что-то интересное, я бы обязательно согласилась. Но все, что мне предлагали, было очень скучно.

А я мечтала о некой мистической роли в духе Альфреда Хичкока.

Вы — очень стильная женщина. Вы следите за новыми веяниями в моде?

Как вы поддерживаете столь блестательную форму? Ежедневным тренингом?

Я сейчас столько двигаюсь, что у меня просто не остается времени на упражнения у станка. Мы с Родионом Константиновичем все время куда-то летаем — из страны в страну. А в гостинице заниматься невозможно. Хотя Володя Ашкенази мне однажды сказал: «Если захочешь — найдешь». Всё прошлый год я занималась у станка с пятого на десятое.

Вы когда-нибудь придерживались специальных диет для балерин?

Никогда. Я ем все и много. Поэтому мне сейчас уже какие-то вещи нельзя.

Однажды на склоне вопроса вы ответили проще: «Надо меньше жрать».

Вопрос заключался немногим в другом: меня спросили, что надо сделать, чтобы похудеть.

Тогда я и раскрыла свою рецессию. Я и сейчас повторяю его. В ленинградскую блокаду люди голодали, и потому все похудели, даже те, кто болел слоновой болезнью.

— Кого из танцовщиков вы считаете самым эротичным?

— Из тех, кого я видела, — Нуреева

Бывали ли в вашей семье споры, когда Родион Константинович писал для вас балет, а вы были с чем-то не согласны? Таких дискуссий не было, потому что все, что он говорит, он всегда говорит правильно. Когда я его не послушаюсь — прогибываю. Совершенно однозначно, всегда. И мы ничего никогда не делали специально — в смысле творчества. Потому что если бы делали специально, то когда-нибудь эта искусность пропадала бы. Если за сорок пять лет ничего такого не прорвалось, значит, мы в этом смысле доверяли друг другу. Для нас все нашли творческие отношения естественны.

Вы — дочь репрессированного, но ваша звезда зажглась в нашей стране. «Виновата» судьба или талант?

Просто так сошлись обстоятельства. Судьба помогла таланту, и наоборот.

Я сейчас признаюсь в том, что удивит многих: я очень ленива...

Вы?

Леонид Якобсон считал, что я — зверская лентяйка. Он так мне говорил: «Вот если бы ты слушала то, что я говорил тебе по поводу Аны Карениной, у тебя был бы потрясающий балет». Но я не послушалась, и сейчас об этом, как и о многом другом, жалею. Я, наверное, так долго на сцене, потому что очень насиливалась своим ногам. Никогда не делала ничего через «не могу». Спортсмены, например, бегут на пределе возможностей, а потом у них разрывы сердца. Сожалению, наши балетные после окончания все ходят с палками — выворотность, чрезмерные нагрузки, травмы с возрастом дают себя знать. Они просто замучены постоянными тренировками.

«Я, наверное, так долго на сцене, потому что не очень насиливалась свои ноги. Никогда не делала ничего через «не могу». Спортсмены, например, бегут на пределе возможностей, а потом у них разрывы сердца. К сожалению, наши балетные после окончания все ходят с палками — выворотность, чрезмерные нагрузки, травмы с возрастом дают себя знать. Они просто замучены постоянными тренировками»

Сколько балетов сочинил специально для вас Родион Константинович?

Какой из них самый любимый?

Конечно, «Кармен». Если бы только знали, в какой экстремальной обстановке балет создавался. Родион Константинович буквально спас и меня, и Альберто Алонсо тем, что переложил музыку Бизе под наш сценарий.

Это было то, что называется «драйв» — состояние возбуждения?

Да нет... Просто Родион Константинович проявил свою высочайший профессионализм. Он фактически сочинил балет меньше чем за три недели. Причем еще отвлекался, когда ездил в Будапешт на похороны Кодая. Щедрин видел, в каком мы оба — Альберто и я — отчаяния. У Альберто не очень здорово обстоит дело с ушами. Он подставил под свою хореографию сначала музыку Бизе. Не подошло. Но созвал уже с первого номера, дуэт Кармен и Тореро. Алонсо просто сорвал голос, пытаясь подогнать мелодии под танец.

Посыши мы к Родиону. Он нас спрашивал: «А что у вас происходит со содержанием?» Мы рассказали. Тогда он нам указал прямо, какие куски надо брать из оперы.

И все равно ничего не клеилось... Караул! Потом он сказал: «Ладно, пойду посмотрю, что вы делаете». Увидел и вымолвил: «Это интересно. Хорошо. Я вам эти куски оркеструю».

И все свершилось?

Успех был грандиозный настолько, что мой партнер Фадеев как-то заметил Щедрина: «А почему у меня никакой вариации нет?» Родион Константинович сочинил и для него номер.

Тогда министр культуры Фурцева спросила: «Кармен — склоняется ли к эротику...» Она бы просто умерла прямо в зале, если бы увидела, что сейчас иногда творится на сцене.

С вашей точки зрения, должна быть эротика в танце?

Во времена «Кармен» с эротизмом этого балета даже Фурцева ничего не могла поделать. Потому что эротику нельзя срезать, изобразить специально. Это ощущение рождается изнутри танцующих. Я как зритель не могу воспринимать намеренную эротику на сцене. Это кривляние. Если артист не испытывает то, что изображает, я понимаю, что он делает вид, будто чувствует. Если у него нет настоящей, а не показанной эротики, для меня такой артист не существует никогда — ни в кино, ни в балете. Люди, знаете, иногда танцуют пальцем: «Вот-вот, это — эротика!» Ничего подобного, просто со сценой идут вполне определенные флюиды

от конкретного человека. Или не идут. Когда же начинают «делать» эротику, то получается побоище.

Кого из танцовщиков вы считаете самым эротичным?

Из тех, кого я видела, — Нуреева.

То есть в нем был абсолютный Эрос?

А он не строил ничего из себя, он просто чувствовал и так танцевал.

А кого вы считаете своим самым лучшим партнером?

Я ценила и ценю больше всех Фадееву.

Не только потому, что он лучше всех держал (хотя поддержки у него действительно было классные), но и за то, что он был очень органичным артистом. Он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Я больше всего ценю в своих коллегах именно это качество. Мне кажется, что все киногерои позируют. Как увидят, что на них смотрят камера, так и начинают «играть». Из тех, кого мне нравился более всего своей органичностью, был погибший Сергей Бородин. А осталные все выдирчивались.

И балетные точно же видят?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Я больше всего ценю в своих коллегах именно это качество. Мне кажется, что все киногерои позируют. Как увидят, что на них смотрят камера, так и начинают «играть». Из тех, кого мне нравился более всего своей органичностью, был погибший Сергей Бородин. А осталные все выдирчивались.

И балетные точно же видят?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?

Я в балете всегда Зарема. Ни Мария, ни Нури. Так вот, Фадеев — тот артист, которого можно снимать в кино. Он «не видит» перед собой камеры, не играет в кино.

Когда я видела Нуреева, он не выдирчивился, демонстрируя свои танцевальные возможности. Все, что он делал, было органично. Фадеев не играл на публику. Примечательно, что он танцевал со мною не только в «Лебедином озере», но и в «Бахчисарайском фонтане», где был Гиреем...

Вы, конечно, были Заремой?